

Но г-н де Ту плохо истолковал этот закон, упорно разъясняя, что *Conscii* означает только «сообщники», но это далеко не так. Г-н де Миромениль имел мужество высказать мнение, что Сен-Мара следует оправдать. Проживя Кардинал несколько дольше, он не поблагодарил бы г-на де Миромениля за это мнение. Ссылка на то, что Первый Президент Сулейбной палаты, де Ту, отправил на эшафот некоего вельможу за подобную же провинность, сильно повредила его внуку.

Господин Главный был столь далек от мысли о смерти, что когда ему перед объявлением приговора предложили поесть, он сказал: «Есть я не хочу: мне прописаны пилюли, дабы очистить желудок, надобно их принять». И он так почти ничего и не съел. Потом ему объявили приговор. При этом столь суровом и неожиданном известии он не выказал, однако, и признака удивления. Он держался стойко, и та мучительная борьба, которая происходила в его душе, никак не проявилась внешне. Хотя, согласно приговору, его не должны были подвергать пытке, ему все же пригрозили ею. Это его расстроило, но он и тут ничем не выдал себя и уже начал расстегивать свою куртку, когда ему велели поднять руку и говорить правду. Он продолжал стоять на своем и заявил, что добавить ему больше нечего. Умер он с поразительным мужеством, не стал говорить пустых речей, а только поклонился тем, кого увидел в окнах и узнал; он все делал поспешно и, когда начал хотел отрезать ему волосы, отнял у него ножницы и передал их брату-иезуиту. Он пожелал, чтобы ему лишь слегка подрезали волосы сзади, остальные он пачесал себе на лоб. Он не захотел, чтобы ему завязывали глаза. Когда палач нанес удар, глаза Сен-Мара были открыты, и он так крепко держался за плаху, что его руки с трудом оторвали от нее. Голову ему отрубили с первого удара.

После смерти кардинала де Ришелье* Король очень радовался, получая сам письма и депеши. Он говорил, что у него никогда не будет фаворита среди Гвардейцев. К г-ну Нуайе он проявлял как будто большую привязанность, чем к кому-либо другому; когда Королю нужно было что-либо сделать, а г-на де Нуайе при этом не было, он заявлял: «Нет, нет, подождем голубчика». Тот входил потихоньку со свечой в руке; он

* Жюа по возвращении из Савойи сказал в Лионе г-ну Эспри, что Кардинал долго не протянет, потому что велел закрыть свой святи. Он совершил это сумасбродство на чистоплотности. И вот он в Рюале, где его навещает Королева. Он не осмеливается садить в Сен-Жермен, а Король не осмеливался ездить в Рюаль. Кардинал решил добиться расположения Гито, ибо (кроме Тревиль) Гвардейские капитаны Гито, Тийадо, дез Эссар, Кастельно и Ласаль были людьми, которых ему никак не удавалось привлечь на свою сторону; они были преданы Королю. Итак, Кардинал просит Гито навестить его, принимает со всевозможной учтивостью, велит угостить обедом, вкусным и сытным. После обеда он приглашает его к себе одного и спрашивает, хочет ли тот стать его другом. «Монсеньер, я всегда был предан Королю». — «Э! — сказал Кардинал, трижды презрительно махнув рукой. — Господин де Гито, да вы просто сместесь; ступайте, ступайте, господин де Гито». Случай с Тревильс нарушил душевный покой Кардинала; это ускорило его смерть.